

Е Цзюньшу почти всю дорогу бежал, перемежая бег быстрым шагом, и добрался до уезда меньше чем за час. Утирая пот со лба, он, не переводя дыхания, поспешил к дому учителя.

То ли он был слишком на взводе, то ли интуиция не врала, но атмосфера в уезде казалась какой-то другой, странной. Однако вникать в это было некогда — он торопился к наставнику. Темные лакированные ворота были заперты. Цзюньшу схватился за медное кольцо и несколько раз громко постучал.

— Иду, иду!

Вскоре дверь отворилась.

— Цзычжоу?

— Шицюн.

Открыл Цинь Яолян. Вид у него был изможденный, словно он не спал последние пару ночей. Тревога в сердце Цзюньшу усилилась: неужели учителю совсем плохо?

— Цзычжоу, ты как здесь? — удивился Яолян.

— От Чжишана узнал, что учитель занемог, вот и прибежал. — С этими словами Цзюньшу вошел в дом вслед за шицюном.

— Как наставник? Что говорит врач? — засыпал он его вопросами. В прошлый раз учитель был полон сил, неужели какая-то внезапная хворь свалила его так быстро?

— Да ничего такого уж страшного, — горько усмехнулся Яолян. — Врач сказал: «удар ци от сильного гнева». Организм не выдержал вспышки ярости, вот и слег.

— Гнев ударил в сердце? — Цзюньшу пристально посмотрел на Яоляна.

Тот чуть не подпрыгнул на месте:

— Это не я его довел! Что у тебя за взгляд такой?

— Понятно, — Цзюньшу отвел глаза. Не стоило винить его за подозрения: образ непутевого шицюна слишком прочно засел у него в голове. — Тогда кто его так расстроил?

— Эх... — Яолян тяжело вздохнул. — Ты в деревне сидишь, новостей не знаешь. В наш уезд прибыл некий знатный господин, говорят, прямиком из столицы...

— «Знатный господин»? — Цзюньшу уже во второй раз слышал об этой персоне. Неужели этот «гость» — ходячая проблема?

— Этот господин... — лицо Яоляна исказилось от отвращения, — скажем так, человек крайне сомнительных качеств.

Едва он договорил, как они подошли к дверям комнаты, откуда донесся голос учителя — слабый, но полный ярости:

— ...Настоящий грабеж! Какое бесстыдство! Никакого приличия! До чего же старик разгневан! Гнев меня душит!

Цинь Яолян, едва услышав голос отца, поспешно толкнул дверь и вошел внутрь.

— Батюшка! Успокойтесь, прошу вас. Не стоит губить здоровье из-за такого подонка. Рано или поздно на каждого зверя, потерявшего человеческий облик, найдется управа! Ну же, не гневайтесь!

Цинь Кантай тяжело дышал, его грудь ходуном ходила, а лицо опасно покраснело. Цинь Яолян принялся аккуратно поглаживать его по спине, помогая восстановить дыхание.

— Врач ведь не раз повторял: вам нужен покой. Нельзя так терзать себя.

Яолян запнулся, а потом быстро подтолкнул Е Цзюньшу вперед, пытаясь отвлечь отца:

— Батюшка, посмотрите, кто пришел!

Стоило Цинь Кан Таю увидеть Цзюньшу, как его ярость немного поутихла.

— А, это ты, Цзычжоу.

Е Цзюньшу подхватил учителя под другую руку, и вместе с Яоляном они помогли ему улечься поудобнее на кровать.

— Ученик услышал, что вы занемогли, и сразу поспешил навестить вас.

— Да что со мной станется? Вечно вы, молодежь, из мухи слона раздуваете, — учитель слабо махнул рукой. — Увидел? Теперь иди, занимайся своими делами.

Цзюньшу присел на низкую табуретку рядом с кроватью и с притворным огорчением произнес:

— Учитель, неужели вы гоните меня, едва я переступил порог? Я как услышал о вашей болезни, бежал без оглядки, до сих пор отдышаться не могу!

Кантай заметил, что лоб Цзычжоу действительно блестит от пота, и умолк.

— Учитель, что сказал лекарь? Насколько всё серьезно? — спросил Е Цзюньшу.

Яолян ответил за отца:

— Врач велел соблюдать покой хотя бы пару недель. Никаких волнений и, упаси небо, вспышек гнева.

Цинь Кантай холодно хмыкнул: — Лекари обожают приукрашивать. Ничего особенного со мной нет.

— Учитель, вам стоит следовать предписаниям, — мягко, но настойчиво проговорил Цзюньшу.
— Иначе не только шиму и шицюн будут места себе не находить, но и мы, ваши ученики, будем изводиться от тревоги. Какая бы несправедливость ни творилась вокруг, нельзя позволять ей свалить вас с ног еще до того, как дело решится. Если вы занеможете, то тех, кто способен возвысить голос в защиту правды, станет еще меньше.

Е Цзюньшу долго и терпеливо приводил доводы, стараясь успокоить наставника.

— Так что сейчас ваша главная задача — поправиться. В любом случае, у вас есть шицюн и я.

Цинь Кантай наконец затих, в словах Цзычжоу была доля истины. Цинь Яолян втихомолку показал Цзюньшу большой палец.

Вскоре в комнату вошел шиму, неся в руках большую чашу с дымящимся черным отваром.

— Шиму, — Е Цзюньшу поднялся, уступая место.

— Цзычжоу пришел! — ягко улыбнулся фулан Цинь Кантая. — У нас в доме сейчас беспорядок, не обессудь, если прием вышел не слишком радушным.

— Это я вторгся без предупреждения, — с теплой улыбкой ответил юноша.

— Аму, не волнуйся, я сам займусь Цзычжоу! — вставил Яолян.

Шиму улыбнулся, хотя на ее лице читалась глубокая усталость. Он присел у кровати и ласково сказал мужу:

— Пора пить лекарство.

— Тогда я уведу Цзычжоу, — Яолян, видя, что отец под присмотром, потянул друга к выходу. Е Цзюньшу откланялся, подхватил свою корзину и вышел из комнаты.

— Ты так торопился, наверняка пить хочешь? На, держи, — Яолян налил ему воды.

Цзюньшу и впрямь мучила жажда; он осушил две пиалы, прежде чем спросить:

— Так что же всё-таки произошло?

— Глядя на то, как ты утешал отца, я подумал, что ты уже в курсе! — Яолян поскреб затылок, опасливо оглянулся на дверь и понизил голос до шепота. — Цзычжоу, этот важный господин из столицы — суций дьявол. Я за всю жизнь не видел человека настолько подлого!

Е Цзюньшу нахмурился. Яолян продолжал:

— Вчера вторая супруга советника Ду вышел за покупками. Этот «благородный» увидел его и тут же велел своим людям схватить его и утащить... Для него нет никаких законов и морали. Женат человек или нет — если приглянулся, не избежать беды. Сейчас в городе все в ужасе, семьи прячут своих гэров и не выпускают на улицу. Мало того, они силой заняли дом семьи Хо и сейчас там затеяли грандиозную перестройку. Ходят слухи, что эти люди уже убили кого-то, едва приехав в уезд, но дело замяли. Мой отец дружен с семьей Хо, вот и не выдержал — как услышал всё это, его кровью и вырвало от ярости.

Слушая это, Е Цзюньшу почувствовал, как сердце ухнуло вниз. Мин-аму говорил, что дядя Хуа и остальные как раз ушли в город на стройку...

— А как же господин судья? Неужели он бездействует?

— Бездействует? Ха! — возмутился Яолян. — Судья Ван из кожи вон лезет, чтобы ему угодить! Я-то, дурак, думал, что наш судья человек честный, а он в миг показал истинное лицо. Чтобы подлизаться к столичному вельможе, он стал его верным цепным псом!

Е Цзюньшу сжал кулаки. — Значит, этот масштабный набор рабочих был затеян ради комфорта того господина?

— Именно. — Яолян заметил, как помрачнел друг. — Погоди, неужели твои односельчане нанялись туда?

Цзюньшу кивнул. Насколько он знал, почти все трудоспособные мужчины деревни ушли на этот заработок. В душе поселилась тревога. Каков хозяин, таковы и слуги. Если надсмотрщики окажутся такими же подонками, каково придется рабочим? Но, с другой стороны, раз нанимали от имени управы, может, хоть какая-то видимость порядка сохранится?

Яолян похлопал его по плечу:

— Цзычжоу, не изводи себя. Жизни их вряд ли что-то угрожает.

Цзюньшу вымученно улыбнулся и спросил:

— Шицюн, ты знаешь, кто он такой на самом деле?

— Точно не скажу, но раз судья так пресмыкается, спина у того господина очень крепкая. Знаю только, что фамилия его Мин, зовут его Вторым господином, и он из столицы. Думаю, он родственник канцлера Мина — может, из главной ветви, а может, и седьмая вода на киселе.

Увы, даже дальний родственник клана Мин был для простых людей недосягаем. Влияние канцлера было безграничным, а в покоях императора правила наложница Мин. Даже высокие чины опасались переходить дорогу этому клану. Добиться справедливости казалось невозможным.

Яолян выложил всё, что знал. Цзюньшу задумался. «Второй господин Мин»? Раз он из столицы, его величают «господином» и у него есть личная гвардия, значит, он явно не последний человек в семье. У канцлера Мина двое сыновей и трое гэров. Старший сын уже много лет на госслужбе и, по слухам, очень похож на отца. Что же касается младшего — о нем почти ничего не слышно...

Е Цзюньшу предположил, что этот Мин Второй и есть тот самый законный второй сын — пустоголовый бездельник, о котором в столице нечего было и слышать, потому что он ни на что не годен.

Судя по тому, как нагло он ведет себя в уезде, в столице семье Мин наверняка постоянно приходилось подчищать за ним грязь и скрывать его постыдную страсть к чужим женам и гэркам. Скорее всего, этот Мин Второй вляпался в крупную историю, и его просто сослали подальше с глаз долой.

Но вот почему именно сюда? Может, потому что место глухое, и какие бы бесчинства он ни творил, слухи не дойдут до столицы?

Цзюньшу посидел у наставника еще немного. Убедившись, что при должном уходе тот скоро поправится, он не стал задерживаться. Оставив шиму едва добытый столетний женьшень на всякий случай, он откланялся.

Выйдя на улицу, Цзюньшу отчетливо почувствовал перемену в воздухе. Прохожие спешили по делам, на лицах — ни тени прежней безмятежности. К тому же на глаза почти не попадались молодые крепкие мужчины. Неужели их согнали на стройку силой?

Цзюньшу направился в трактир. Там дела обстояли, мягко говоря, плачевно — залы пустовали. Он прошел на задний двор, где у входа в кухню сидел дядя Пан, мрачнее тучи.

— Дядя Пан.

— А, Цзычжоу, пришел!

Цзюньшу подошел ближе и участливо спросил:

— Что-то случилось? Вы сами не свой.

— Эх, да ничего... Дичь принес? — Дядя Пан нацепил дежурную улыбку, принял корзину и переложил добычу в клетки. — Вот, держи деньги.

Цзюньшу взял связку монет.

— Дядя Пан, говорят, в наш уезд прибыл большой человек. Вы его видели?

— Видел, — не стал скрывать тот. — Вчера господин судья давал в нашем заведении банкет в его честь. — Он вкратце пересказал события вечера и добавил с тревогой: — Цзычжоу, ты, если дел особых нет, в город пока не суйся. Сдается мне, с приездом этого господина покоя нам не

видать.

— Почему вы так думаете?

— Сам он гость капризный, а слуги его — чистые псы, почуявшие власть хозяина. К ним и подходить-то страшно, неровен час нарвешься на неприятности.

— Я понял, дядя Пан. Мне пора, пойду я.

— Давай, береги себя.

Цзюньшу всё же было беспокоен, и он решил заглянуть на стройку, где работали дядя Хуа и остальные. Он несколько раз проходил мимо усадьбы богача Хо, так что дорогу знал. Вскоре показалось поместье. Оттуда доносился шум работ. Цзюньшу нашел укромное место с хорошим обзором и принялся наблюдать.

Спустя какое-то время его тревога немного утихла. Надсмотрщики хоть и орали во всю глотку, но за плечи не хватались и рабочих не били. Трудно, изнурительно, но, по крайней мере, жизни его односельчан пока ничего не угрожало. Цзюньшу тихо ушел.

После всего услышанного настроения гулять не было. Он купил в любимой лавке сладостей побольше (тех, что подольше хранятся) и взял на рынке мяса. Узнав от дяди Лэя, что Пань-гэра уже отправили к родственникам его аму, Цзюньшу выдохнул. Раз этот Мин Второй такой бабник, Пань-гэру с его красотой в городе делать нечего.

— Пока этот господин не уедет, не позволяйте Пань-гэру возвращаться, — твердо сказал Цзюньшу дяде Лэю.

— Я уже передал родне: пока лично за ним не приду, пусть сидит там. — Дядя Лэй даже отправил с сыном запас зерна, которого хватит до самого Нового года.

Когда дело касалось безопасности сына, он был предельно серьезен. Если к весне этот тип не уберется, свадьбу придется отложить — ничто не важнее жизни Пань-гэра. Цзюньшу кивнул. Так будет лучше.

Слава богу, его домашние гэри еще маленькие, иначе он бы с ума сошел от беспокойства. Его малыши — каждый словно из фарфора вылеплен, загляденье. Если бы они хоть раз показались в городе, слухи о такой красоте разлетелись бы мигом. Честно говоря, он еще не видел в уезде никого красивее своего Лу-гэра. Какое счастье, что соседи привыкли к их виду и не болтают лишнего, и какое счастье, что дети еще не выросли. Красивый ребенок — первая мишень для негодяев.

Чем больше Цзюньшу об этом думал, тем сильнее росла тревога. Нужно скорее домой, к детям! Он прибавил шагу и, когда на горизонте уже показались очертания деревни, увидел у входа маленькую фигурку, метавшуюся из стороны в сторону.

— Цзычжоу-гэ! Наконец-то ты вернулся!

Стоило Цзюньшу показаться на дороге, как дежуривший в нетерпении Чжишан бросился ему навстречу.

— Чжишан? Ты что тут...

— Скорее домой, брат! Беда случилась! — Чжишан схватил его за руку и потянул за собой, он весь взмок от волнения.

Внутри у Цзюньшу похолодело — недоброе предчувствие сбывалось. Лицо его осунулось, и он со всех ног бросился к дому.

<http://bllate.org/book/15226/1355859>